

ЖИЗНЬ,
ПРИДУМАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

Вся жизнь – мистификация

Тала
Дали

Уникальная автобиография женщины-эпохи

Гала Дали

Жизнь, придуманная ею самой

«Яуза»

1970-1980

УДК 82-94
ББК 84.4

Дали Г.

Жизнь, придуманная ею самой / Г. Дали — «Яуза»,
1970-1980 — (Уникальная автобиография женщины-эпохи)

ISBN 978-5-9955-0949-3

Эта книга – не просто автобиография, не просто дневник и описание жизни, это даже не исповедь Галы Дали. Это попытка жены, музы и главной модели гениального художника Сальвадора Дали создать собственную жизнь по своему выбору. Ее подлинное имя – Елена Дьяконова, ее реальная жизнь – загадка. Скупые строчки официальных документов не дают полной картины: родилась в Казани, дружила с сестрами Цветаевыми, навсегда покинула Россию в 1916 году. Ее главное произведение – ее жизнь, созданная при помощи величайшего мистификатора XX века Сальвадора Дали. Они жили в придуманном ими мире, создавали свою действительность, и где граница вымысла и действительности, понять непросто. Несомненно, она писала о себе, но показывая себя такой, какой хотела быть, что-то выдумывая, в чем-то оправдываясь и не догадываясь, что против ее воли книга дает возможность понять ее настоящую – то, что она сама о себе не знала. Художники творят искусство, не зная, что искусство творит их самих.

УДК 82-94

ББК 84.4

ISBN 978-5-9955-0949-3

© Дали Г., 1970-1980

© Яуза, 1970-1980

Содержание

Предисловие. Вся ее жизнь – мистификация	7
Как кошка...	10
Третья жизнь – Клавадель и Жежен	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Гала Дали
Жизнь, придуманная ею самой

© ООО «Яуза-пресс», 2017

* * *

Предисловие. Вся ее жизнь – мистификация

Вся.

Скупые строчки официальной биографии справедливы лишь в том, что Елена Ивановна (Дмитриевна) Дьяконова училась в московской гимназии (с сестрами Цветаевыми), лечилась в швейцарском Клаваделе и была супругой Поля Элюара и Сальвадора Дали (в первом браке родила дочь, которой интересовалась крайне мало).

Все остальное от имени до отношений с теми, чьей Музой была Елена Дьяконова – Гала Дали, – вполне может оказаться выдумкой.

Два величайших мистификатора XX века – Сальвадор и Гала Дали жили в придуманном ими мире, и где граница этого мира и действительности, понять невозможно.

Ее имя переименовали с Гали на Галу, словно подчеркивая, что она праздник («гала» по-французски означает «праздник»), но праздником Гала Элюар, как и Гала Дали, не была, скорее наоборот.

В жизни Галы намешано столько всякого, что разобраться трудно.

Елена Дьяконова, по ее словам, родилась в Казани в 1894 году, но исследователи не смогли найти там документы, свидетельствующие о семье Дьяконовых. Мало того, в доме, на который указала Гала, родился и вырос писатель Василий Аксенов, история этого дома хорошо известна, и в нем Дьяконовы никогда не жили.

И братья ее не учились в указанное время в казанских гимназиях. И отец Иван Дьяконов не числился служащим Министерства сельского хозяйства, как утверждала Гала.

Ничто из предоставленных ею сведений о жизни до Москвы не подтвердилось.

Зачем Гала солгала? Возможно, из опасений доставить неприятности своей семье. Но возможно, просто не желая открывать правду о своем происхождении. Почему-то это было для нее важно.

Она покинула Россию навсегда в 1916 году, чтобы стать женой Эжена Гренделя – будущего Поля Элюара. По некоторым сведениям, однажды бывала в Москве и Ленинграде, но родные воспоминания об этом визите почему-то не сохранили.

Гала дружила с сестрами Цветаевыми, практически создала Поля Элюара, заставив того поверить в собственные силы, все время вращалась среди поэтов, писателей, художников... Но писала ли она сама?

Всегда считалось, что нет. Детские нелепые стихи не в счет, но подражать Марине Цветаевой не удавалось, и Леночка бросила затею с рифмой. Стихи мужа и его друзей Гала только читала.

А кисти и в руки не брала, в семье достаточно одного гения-живописца.

Недавно в ее последнем пристанище, замке Пуболь, найден дневник, он переведен на несколько языков и опубликован. Но в письме Галы к сестре однажды шла речь не только о дневнике, но и о романе.

Что это за текст – действительно незавершенный рассказ о самой себе, некое оправдание собственной жизни или попытка объяснить всему миру, кем же была Гала Дали, Муза трех Гениев (кроме Элюара и Дали Гала некоторое время вдохновляла и художника Макса Эрнста)?

Говорят, в ней притягивал прежде всего взгляд. Не глаза, а именно взгляд – пронзительный, проникающий внутрь, прожигающий насквозь.

Он таков на многих фотографиях, но далеко не на всех. Посмотрите на снимки, для которых Галя не позировала, те, на которых она запечатлена случайно. Там совсем иная женщина, во взгляде которой... неуверенность.

Сальвадор Дали почти всю жизнь играл – сначала не вполне осознанно, затем сознательно изображал сумасшедшего. «Разница между сумасшедшим и мной только в том, что я не сумасшедший». Но если очень долго играть роль, в нее вживаешься. Конечно, он не сошел с ума, но надевал маску с вытаращенными глазами мгновенно, стоило заподозрить присутствие чужого. Тем более это делалось перед репортерами. Маска стала его вторым «я».

А Галя, носила ли она маску женщины-вампа, самоуверенной, жесткой, меркантильной? Какой в действительности была Елена Дьяконова – Галя Дали?

Мы никогда не узнаем об этом, хотя Галя оставила дневник и даже попыталась рассказать о себе вот этим текстом.

И дневнику, и незавершенным мемуарам едва ли можно вполне доверять, ведь их писала великая мистификаторша, женщина, создавшая Сальвадора Дали. Несомненно, она показывает нам себя такой, какой хотела быть, но это не менее интересно – понять, какой же видела сама себя Галя Дали.

Интересно наблюдать, как она препарирует, а затем интерпретирует свою жизнь, что-то объявляя неважным, что-то выпячивая, а в чем-то откровенно привирая. Галя вправе делать это – ведь это описание ее жизни.

Несомненно, Галя писала о себе, это выдает местами взволнованное повествование, попытка даже спорить, только вот с кем – с теми, кто так и не понял ее, или вообще с самой собой?

Рефреном звучит фраза о том, что если окружающие ошибаются во мнении о ней, то какая разница, как и в чем именно ошибаются?

В воспоминаниях о детстве и жизни в Клаваделе она сбивается на «Галю», как называла себя сама еще тогда, а еще на «я». Позже она стала Галой, согласившись на более понятный французский вариант имени. Галя – праздник. Ей очень хотелось быть праздником...

В ее повествовании довольно четко разделены Елена (рассказ идет от первого лица) и Галя-Галя, какой она стала в Клаваделе, словно родившись заново с этим новым именем.

Наверное, так и было, потому Галя пишет о себе до санатория в швейцарских Альпах и встречи с Полем Элюаром как о Елене, а потом как о Гале.

Сальвадор Дали и сама Галя очень любили говорить о себе в третьем лице: «Сальвадор подумал», «Сальвадор считает», «Галя не хочет»...

И все-таки в одном месте – рассказывая о противостоянии с сестрой Сальвадора Аной Марией – Галя сбивается на первое лицо. Утверждая, что просто не замечала «эту шавку», Галя слишком эмоциональна, чтобы поверить, что это правда. Она даже не заметила перехода на первое лицо, явно выдавая собственные эмоции.

В том, что Галя удивительная, не сомневался никто из знавших эту женщину, не сомневаются и те, кто исследует ее жизнь сейчас. К ней не относились равнодушно, обычно ненавидели даже те, кому Галя не сделала ничего дурного, особенно женщины, или любили и обожали те, кто знал лучше нас с вами, – Поль Элюар и Сальвадор Дали. Любви одного из гениев Гале вполне хватало, чтобы не замечать ненависти остального мира.

Это великое умение – жить своей жизнью, подстраиваясь только под одного-единственного. Но этот единственный должен быть гением. Просто Гением.

Галя не только подстраивалась, Дали и Элюар признавались, что полностью подчинялись их воле, не возражая, не произнося ни слова, эта женщина умудрялась диктовать волю свою. Как-то так получалось, что, будучи послушной, она правила, будучи подчиненной, властво-

вала, будучи ненавистной, оказывалась безумно популярной, находясь в тени своих гениев, временами затмевала их, даже Дали, затмить которого было просто невозможно.

Ее можно не любить, даже ненавидеть, но не восхищаться ею невозможно.

Приглашаем заглянуть во внутренний мир этой необычной женщины, даже если это всего лишь очередная ее мистификация.

Как кошка...

Говорят, мои глаза похожи на кошачьи, хотя и не желтые – взгляд цепкий и сверлящий. Но у кошки есть две особенности, она всегда падает на четыре лапы и имеет девять жизней.

Жизнь научила меня приземляться на лапы и вскакивать, чтобы жить дальше.

И девять жизней у меня тоже есть, вернее, восемь из них уже прошли. Предстоит девятая, которая может оказаться самой короткой, а потому должна получиться самой насыщенной. Нет, не событиями, но пользой.

Я не хочу и не собираюсь исправлять ничего в предыдущих жизнях, не намерена оправдываться. Я жила так, как жила. Может, кому-то и не нравится, но это моя жизнь, а каждый осуждающий пусть представит, что его также судят другие.

Как некрасивая молчаливая московская девочка стала властительницей жизнью сначала Поля Элюара, а потом величайшего художника и мистификатора нашего века Сальвадора Дали?

Очень просто – я во многом их и создала. Не смущаясь, могу сказать, что и в том, и в другом половина меня.

Конечно, из трухлявой деревяшки не выточишь Аполлона, для этого нужен мрамор. Но не всякий скульптор сможет разглядеть в куске мрамора будущего Аполлона, и не у всякого достанет терпения и таланта извлечь скульптуру из этого куска.

Да, я ставлю себе в заслугу то, что разглядела в скромном стеснительном мальчике Эжене Гренделе, сочиняющем неплохие стихи, будущего замечательного поэта Поля Элюара.

Я увидела и помогла утвердиться странному молодому человеку Сальвадору из Кадакеса, над которым окружающие просто смеялись, помогла ему стать великим Сальвадором Дали.

И еще кому-нибудь помогу, этому будет посвящена моя девятая жизнь.

Проще всего подняться по отвесной стене, встав на спину, плечи или даже подставленные ладони друга.

Я именно это и делала – подставляла спину, плечи и ладони. А если потом, поднявшись, мои Поль и Сальвадор помогли подняться и мне, так как можно за это осуждать?

Дали написал о себе в «Тайной жизни Сальвадора Дали».

Та книга – такая же мистификация, как и эта.

Не существовало Сальвадора Дали, который описан в «Тайной жизни...», он показан таким, каким Сальвадор сам себя видел. Другие (например, его сестра Ана Мария), как выясняется, видели его иным.

Именно «Тайная жизнь» подвигла и меня на попытку рассказа о той Гале, какой я вижу себя сама. Наплевать на то, что думают при этом чужие, они всегда не правы, так какая разница, как именно не правы?

Меня обвиняют в любви к деньгам.

Я люблю деньги. Почему бы нет?

Все, у кого они есть или были, деньги любят. Деньги помогают создать нужный уровень комфорта. Не любить их могут только те, кто не познал вкуса обладания деньгами.

Я – «серый кардинал» для Дали, заправляю его жизнью, как своей собственной.

Почему бы нет?

Я всегда на полшага позади и обычно молчу. Интересно, что сказали бы, поставь я Сальвадора позади? И да, я заправляю, но не его, а нашей общей жизнью. Много лет мы с Сальвадором неразделимы, как сиамские близнецы. Это началось тогда, когда я стала Дали, а сам Сальвадор не был ни известен, ни богат, наоборот, был нищим, всеми порицаемым чудачком. Так имею я право распоряжаться нашей общей жизнью, находясь на полшага сзади гениального Дали?

Говорят, человек не забывает ничего из того, что когда-либо видел или слышал в жизни. Просто какие-то факты и видения прячутся глубоко в закоулках памяти, чтобы дать о себе знать обрывками мыслей, картинок или чувств.

Я помню только то, что хочу помнить.

В моей жизни было несколько рождений и смертей – моих собственных.

И если кому-то интересно, я вполне могу преподать урок, как умирать и возрождаться. Как кошка.

Первое рождение – физическое. Документы утверждают, что оно произошло в 1894 году. От того, что я изменю дату, сам возраст не изменится.

Где? Какая разница? Пусть будет Казань – большой красивый город.

Это жизнь, о которой я просто не желаю помнить, а если я не желаю помнить, значит, и рассказа не будет.

Или все же стоит рассказать о «счастливом периоде жизни в Казани»? Лида спрашивала, почему именно Казань? Не знаю, просто пришло в голову. Большой город, там легко затеряться и люди друг друга не знают, как в маленьких.

Из Казани была Аня, мы встречались с ней в Коктебеле.

Второе рождение – переезд в Москву.

Считается, что нас осчастливил отчим – Дмитрий Ильич Гомберг, чье имя в качестве отчества я приняла, а вот фамилию нет. Почему? Не предлагали. Осталась Дьяконовой. Странно, не правда ли? Но вполне символично – Дмитрий Ильич то ли считал себя моим отцом, то ли нет.

Щедрости нашего отчима умилялись, как же, он не жалеет денег на содержание не только четверых детей супруги от ее первого брака, но и двух ее племянников.

Не буду комментировать ни щедрость, ни тайные пружины и мотивы таких поступков, скажу только, что Дмитрий Ильич Гомберг действительно был хорошим человеком, большим либералом и даже демократом и действительно не жалел на нас денег.

У нас было все, что нужно, но не более.

Забота об эстетике жилища и самой жизни – удел женщины, маме же было все равно. Она перепоручила домашнее хозяйство прислуге, а детей няням.

Отчим был адвокатом, а мама писала детские рассказы. Я не помню их изданными, но в своем кругу литераторов мама их читала. Рассказы больше походили на переработанные сказки с нотациями, которые одни звери и птицы читали другим.

Стиль общения с нами самой мамы был похож: нотации, правда, в укороченном варианте.

Именно от нее я глубоко впитала уверенность, что дети – это обуза, их достаточно родить и отдать на воспитание. Позже меня много и с удовольствием упрекали в полном невнимании к собственной дочери Сесиль, но я не могла делить материнскую любовь между своими мужьями-мальчиками и дочерью. Оба супруга требовали именно материнской заботы, причем

с полным в нее погружением. А Сесиль воспитала ее бабушка Жанна-Мария Грендель и добрые наставницы пансиона.

Это не эмоциональный холод, а просто неумение делить себя между кем-то, я всегда принадлежала кому-то одному. Позже, когда физически пришлось принадлежать двум сразу, это привело к краху.

Но до таких страстей еще далеко.

Рядом были сестры Цветаевы, вернее, Ася, мы учились вместе и дружили. Марина уже почти взрослая, у нее своя жизнь. Она старше нас с Асей на два года, но эмоционально на все десять.

Сестры Цветаевы дружили между собой по-настоящему, на них было так завидно смотреть!

У Цветаевых был странный дом, хотя не странней нашего собственного. Но много богаче. И семья странная, тоже отличная от нашей.

Кто воспитал меня больше? Боюсь, что Цветаевы.

Своей маме я безразлична, братья родные и двоюродные учились и жили своей жизнью, а Лида еще маленькая и воспитывалась больше няней. Мама в это время писала детские рассказы. Сочиняя истории для других детей, она словно забывала о существовании собственных.

Маме бы задуматься – наша квартира на шестом этаже в доме на Трубниковской улице в Москве вовсе не была местом, откуда хотелось бежать. Дмитрий Ильич Гомберг – адвокат, он большой либерал, к нам – четверым детям от первого брака супруги и двум ее племянникам – относился как к родным, был щедр и терпелив. Дом – полная чаша, дети определены в хорошие учебные заведения, собранная Дмитрием Ильичом библиотека вызывала зависть у его приятелей, таких же свободомыслящих и образованных людей.

Но дочь при этом при любой возможности спешила в другой, чужой дом – к Цветаевым на Трехпрудный.

И дело было не в том, что там старенький деревянный особняк, просто у Цветаевых атмосфера иная.

Я никогда не видела их маму. Мария (уже не помню ее отчества, пусть будет просто Мария) умерла до нашей с Асей встречи. Знаю только, что она училась у Рубинштейна, но после замужества посвятила себя семье.

Мама Марины и Аси умерла от чахотки незадолго до того, как они перебрались в Москву окончательно. В последние годы жизни она лечилась в санаториях в Швейцарии и Германии, а девочки жили в пансионатах там же.

У сестер Цветаевых я научилась тому, что чужая страна, чужие правила и чужой язык – это вовсе не страшно, можно ко всему привыкнуть и на любом языке научиться говорить. Ася и Марина прекрасно владели французским, глядя на них, и я пыталась разговаривать с нашей горничной Жюстин по-французски. Жюстин – швейцарка, она с удовольствием рассказывала о великолепии Альп, чистом воздухе и замечательных людях.

Сестры Цветаевы научили самостоятельности, меня вовсе не пугала чужая жизнь и необходимость самой отвечать за свои поступки.

Марина научила меня еще одному: умению создавать людей.

Нет, она не учила нарочно, более того, не желала замечать прилипчивую девчонку вообще. Не потому, что моложе, ведь общалась же на равных с Асей, просто я «из других».

У Марины была особенность: она не просто влюблялась (неважно в кого – мужчину или женщину), но боготворила того, кто вдруг становился мил. То есть придумывала себе человека, в кого влюблялась. Даже непонятно, что именно происходило сначала – влюбленность или

выдумка. Я подозревала, что второе, Марина по одному слову, одному взгляду, жесту вдруг очаровывалась кем-то и выдумывала его таким, каким тот и близко не был.

Богатейшая фантазия немедленно подсказывала тысячу прекрасных черт возлюбленного, которые вскоре оказывались дымом и развеивались, оставляя горьковатый привкус обмана. Но обманывала она себя сама, объекты ее влюбчивости в том виноваты не были.

Находясь рядом, я постоянно видела рождение и смерть таких идеалов.

Наблюдая за Мариной, я поняла, в чем ее ошибка, – нужно не мысленно наделять очаровавшего тебя человека какими-то качествами, а развивать их, «делать» свою любовь самой.

Однажды я сказала Асе, что, когда полюблю, не стану ждать, а просто превращу любимого человека в такого, каким хотела бы его видеть.

Подруга возмутилась, мы поспорили, а потом едва не поссорились.

Марина училась с нами недолго, она, шестнадцатилетняя, сумела убедить отца позволить слушать курс по старой французской литературе в Сорбонне. Зачем Марине старая французская литература? Неважно, она уехала в Европу, не очень-то печалась об оставленной в Москве сестре. Во всяком случае, нам с Асей тогда казалось так. Мне казалось.

Вскоре закончилась и наша учеба в гимназии, а следом за ней и дружба.

1912 год оказался переломным во всем.

Ася влюбилась (внушила себе, что влюблена) и собралась замуж. Марина к тому времени из Парижа вернулась и замуж вышла.

Между нами уже не было тех девчоночьи доверительных отношений, мы не сидели за одной партой, а ходить в дом Цветаевых нежеланной гостьей не хотелось. И все же Ася призналась, что ждет от любимого человека ребенка. Сознание предстоящего материнства переполняло ее, сдержаться было трудно.

Ася – мама?! Такое не могло прийти в голову. Наличие детей я связывала с семьей, но при чем здесь влюбленность? Разве обязательно рожать детей, если ты кого-то любишь, во всяком случае, разве это обязательно делать сразу? Во мне укоренилось убеждение, что любовь – это одно, а дети – нечто совсем иное. Любовь – счастье и воля, а дети – обязанность.

Но Ася Цветаева была влюблена, беременна и счастлива.

Она отдалилась окончательно – со своими заботами, планами, здоровьем...

Вторым жутким изменением в жизни было именно здоровье. Не Асино – мое собственное.

Первые сомнения возникли внезапно, как-то вдруг.

– Елена Ивановна Дьяконова... – делая книксен перед большим старым зеркалом, я невесело усмехнулась, – московская барышня. Нет, купчиха, так верней. Провинциальная девица с провинциальной фамилией и отчеством. Да и имя не лучше.

В зеркале отражалось узкое лицо с близко посаженными темными глазами, длинным прямым носом, обрамленное тонкими и оттого не желавшими выглядеть ухоженно волосами.

Внешность – просто беда. Глаза словно ввалились, узкие губы, чтобы не показывать не самые красивые на свете зубы, приходилось держать сомкнутыми, это вошло в привычку и привлекательности не добавляло. А еще проклятая бледность – не интересная, аристократическая, а слегка мертвенная, словно я больна. Может, и правда больна?

Наверное, в тот момент родилось предчувствие возможной беды, краха.

Ася Цветаева говорила, что мертвенно бледной была их мама, а она болела чахоткой, от которой и умерла.

Сердце сжалось от страшной мысли: вдруг и у меня чахотка?! Постоянное покашливание, боль в груди, простуды... и эта самая бледность. Кашляя, стала непременно прикладывать платочек к губам – вдруг там кровь? Быстро комкала, чтобы никто не увидел, а потом осторожно разглядывала, отвернувшись. Крови не было, но беспокойство не отпускало. Я чувствовала, что внутри что-то не так, что-то черное.

А потом появилась и кровь на платочке. Немного, едва заметно, но это уже приговор.

Кашель, температура, легкая лихорадка, бледность и потеря сил...

Бесконечные врачи и диагноз: чахотка. Не скоротечная, есть надежда...

Я понимала такое по рассказам Цветаевых, у их мамы была вялотекущая чахотка, которую та лечила несколько лет в санаториях в Альпах, а потом вялотекущая стала быстрой и также быстро свела женщину в могилу.

Третья моя жизнь началась в Клаваделе.

Третья жизнь – Клавадель и Жежен

Клавадель...

Счастье и горе.

Нет, сначала горе, а потом счастье.

Великолепная природа, горный воздух, которым невозможно надышаться, и болезнь.

Снаружи – горы, внутри – запах хлорки, снаружи – буйство красок, внутри – все бело и бледно. Внутри кашель с кровью, бледные лица и немощь, а нередко даже смерть.

Но по порядку...

Чахотка!

И вольно или невольно от тебя стараются держаться хоть на полшага подальше – заразная. Каверны совсем небольшие и только в одном легком, но сам воздух от твоего дыхания становится опасным, можно подхватить эту самую чахотку, которую отныне заумно именуют туберкулезом.

Смотрят с сожалением и даже жалостью, мол, такая молоденькая... Во взглядах осведомленных о твоей болезни читается приговор.

С этого начинается путь в Клавадель, к подножию великолепных Альп, на швейцарский курорт, где лечат горным воздухом, прогулками, питанием и невыносимой стерильностью. Дорого и... почти модно! Правда, только не для тех, кто действительно болен.

Когда рентген показал маленькие каверны в легком, мама первой сделала полшага назад, тут же опомнилась и вернулась на место, но ведь сделала же!

Я в ответ отступила сама, объяснив:

– Лучше не подходите близко, мало ли...

– Что ты, что ты! Ничего страшного, но мы тебя вылечим.

С этого мгновения семья перестала существовать. Мать и отчим что-то узнавали, организовывали, договаривались, особенно суежилась мать, но это уже неважно – теперь я была сама по себе.

Прозрачная, но непробиваемая стена между мной и миром выросла именно тогда, потом эта стена лишь видоизменялась, пропуская на мою сторону очередного достойного, но всегда только одного, не более, остальной мир был снаружи и не столь уж важен.

Никому и никогда не понять состояния изгоя, кроме тех, кто это пережил.

Далеко не всех заболевших туберкулезом сторонятся родственники, многих сопровождают на лечение, навещают, даже живут в одной комнате до самого их конца. И ничего, Господь оберегает от заражения.

Чаще всего заражается тот, кто боится, но как объяснить это домашним? Да и стоит ли?

Но во всем есть свои плюсы, кузены под разными предлогами теперь обходили меня стороной, меня не заставляли ничего делать в доме, даже вышивать, я отдыхала и читала.

О месте в швейцарском санатории в Клаваделе договорились быстро, отчим написал, ему ответили, и вот принцесса на горошине, как называла меня мама, складывала вещи, чтобы отправиться в далекую Швейцарию на лечение.

Я немало слышала об альпийских курортах от Аси, по ее словам выходило, что мест красивее просто не существует – горы, озера, леса, воздух... Если бы не болезнь, то получилось путешествие в рай.

Выяснилось, что ехать не в чем – из прошлогодней шубки я выросла, да и рукава обтерлись. Покупать новую накладно и... стоило ли? Кто знает, понадобится ли она мне в следующем году.

Ужасно? Но это правда жизни, от чахотки вылечивались не все, больше погибало.

Мама великодушно предложила ехать в ее манто. Чуть великовато, зато завернуться можно уютней. Я в нем слишком взрослая? Так это к лучшему, меньше будет вопросов, ведь путешествовать в одиночку юной девушке не совсем прилично.

Я только кивала, кивала и кивала. Болезнь давала о себе знать, меня лихорадило, постоянно хотелось спать и плакать.

Но плакать я себе категорически запретила. Даже на смертном одре они не увидят у меня ни слезинки.

Врач нашему решению обрадовался, сказал, что знает уже троих, кто вернулся из Клаваделя почти здоровыми, напомнил, что у меня начальная стадия, которая поддается лечению, что я должна, просто обязана соблюдать все требования тамошних докторов, чтобы тоже вернуться...

– Почти здоровой? – усмехнулась я.

Это «почти» резало слух не меньше самого диагноза, «почти» означало, что совсем выздороветь невозможно, что рано или поздно чахотка одержит верх. Так не лучше ли раньше, чем много лет кашлять кровью, мучиться и разорить семью?

Радостных мыслей не было совсем, выздороветь я не надеялась, просто очень хотелось уехать от всех этих сочувствующих охов и ахов.

И вот, наконец, прощальные слова, слезы (мама плакала по-настоящему), напутствия, и поезд повез меня на запад.

В гимназии мы учили немецкий, потому проблем с языком не возникло ни на границе, ни потом в санатории.

Швейцарские Альпы действительно великолепны, глядя вокруг, я пыталась понять, что наша горничная Жюстина делает в Москве, если ее родня здесь, в Швейцарии.

Швейцария – это горы. Давно известную истину постигаешь, как только попадаешь в Альпы. Это не просто горы, а ГОРЫ. Они вокруг, заслоняют горизонт, ограничивают пространство, но при этом не давят. Даже в ущельях не появляется клаустрофобия.

Клавадель – прекрасное местечко, куда от станции в Давосе вела извилистая неширокая дорога (едва развезаться двум экипажам). Санаторий отправлял за своими пациентами экипаж, чтобы не пришлось добираться случайным транспортом, которого могло и не быть. Звук авто и бензиновый запах его выхлопов чужеродны для такого места. Потому экипаж конный – нечто вроде пролетки с подъемным верхом.

Я уже привыкла, что отсутствие сопровождающих неизменно вызывает недоумение, потому сразу жестко предупреждала:

– Я одна, никого ждать не будем.

В самом санатории приятно поразила чистота и простота вкупе с максимально возможными удобствами и неприятно – запах дезинфекции. Там царила Гигиена – все мылось не один раз в день, причем мылось с дезинфицирующими средствами, а потому пахло противно.

Прижав платочек к носу, я подумала, что умру от голода, если и в столовой будет пахнуть так же.

К счастью, ошиблась – не пахло. И вообще санаторий оказался местом приятным для отдыха, если бы не болезнь, присутствие которой проявлялось на каждом шагу от сплошной стерильности до старательно изображавших здоровье обреченных.

В первый же день меня поразило именно это – фальшивый оптимизм при бесконечных обсуждениях состояния своего и собеседников. Как можно поверить в излечение, если вокруг только и говорят о кавернах (пусть даже уверяя, что почти все закрылись), температуре, анализах и врачебных осмотрах?

Здесь не боялись заразиться, все равно больны, но слишком повседневно и обреченно говорили о самой болезни.

Персонал делал все, чтобы по возможности не напоминать о болезни пациентам, никого не называли ни пациентами, ни больными, только гостями. Услышав такое обращение впервые, я вздрогнула – мы гости на Земле?

Но довольно быстро привыкла к бесконечному цинизму приговоренных, научилась и сама разговаривать цинично и не замечать этого вокруг. Хотя первые дни спокойное обсуждение каверн и прочих гадостей резало слух, ведь дома все вокруг, и я в первую очередь, старались делать вид, что такой гадости, как каверны в легких, вообще не существует.

В таком положении были свои плюсы и минусы. Человек начинал почти спокойно относиться к болезни, не делая большой трагедии из крови на платке и не шараясь от тех, у кого кашель, но это же заставляло привыкать к мысли о смерти.

Конечно, в санаторий не допускали тех, у кого болезнь выражена слишком явно, умирали в Клаваделе немногие, в основном те, кто бывал здесь уже не впервые, но все же умирали. Если в каком-то номере слишком рьяно проводили дезинфекцию, все понимали, куда выбыл «гость».

Я так подробно описываю ситуацию в Клаваделе, чтобы было понятно, в каких условиях мы встретились с Полем. Думаю, окружающая обстановка оказала большое влияние на нашу жизнь.

Итак, по порядку.

Попытку описать Клавадель сделал позже Томас Манн, поместив своего героя в этот санаторий. Но ему не удалось.

Чтобы понять, что такое любой санаторий такого типа, неважно, для чахоточных или других больных, нужно оказаться там не заезжим гостем, прибывшим от скуки, а больным. Это разное состояние и меняет все вокруг.

Даже проникнувшись духом лечения, герой Манна не стал настоящим постояльцем Клаваделя.

Но в остальном все верно – горы, постоянные прогулки, многочасовое лежание на верандах, то и дело градусник во рту, врачебные осмотры и еда.

Сутки именно так и делились – лежание, прогулки и еда.

Мы лежали в своих постелях по ночам, на лежанках во время дневного сна, в шезлонгах на открытой террасе, если позволяла погода.

Мы гуляли по дороге, вдыхая и вдыхая чистейший горный воздух.

И мы ели. Наверное, Ели надо писать именно так – с большой буквы. Питанию в Клаваделе уделялось особое внимание. Обилие и разнообразие еды могло поспорить с любым дорогим рестораном Европы. Первый завтрак, второй завтрак, обед, полдник и ужин... Никогда бы не подумала, что больной человек может поглощать столько за день!

Это было первое, на что я обратила внимание в столовой, – аппетит, с которыми приговоренные уписывали разносолы за обе щеки. Позже я тоже ела немало, хотя и меньше многих. Сказывался горный воздух, он магическим образом усиливал аппетит.

В первый день я попала на обед и, хотя чувствовала себя после путешествия невероятно уставшей, попыталась последовать примеру остальных, то есть попробовать все предложенное. Не получилось, было слишком много и к тому же питательно – суп, рыба, мясо, птица, все это с большим количеством овощей в виде гарнира, овощи сами по себе, сыр, фрукты,

выпечка, любые соки или напитки, конечно, не горячительные. Кофе, чай, молоко, бульон, горячий шоколад – это и многое другое можно получить в любое время дня вместе с сухариками, бисквитами, гренками, пирожными или простой булкой.

И это не на выбор, а для каждого!

Я огляделась почти в ужасе, разве можно предлагать столько больным? Но увидела, как загорелые (прогулки и лежание на солнце) люди уписывали еду за обе щеки.

Вообще, по загару можно было безошибочно определить, кто сколько пробыл в Клаваделе, у тех, кто прибыл давно, лица бронзового цвета, новички вроде меня – бледно-зеленые.

Я относилась к последним. Соседка по столу, заметив мое оторопелое смущение, с усмешкой заметила:

– Ничего, погуляете по горам, тоже будете кушать без остановки. Здесь это приветствуется – поднимают гемоглобин.

Вечером кулинарное безумие повторилось – снова был суп (очень вкусный, кстати), жаркое, разное тушеное мясо с овощами на выбор – кто-то предпочитал телятину, а кто-то свинину или птицу, кто-то картофель, а кто-то шпинат, безумное количество выпечки от огромных кусков торта до крошечных профитролей и марципановых фигурок, лучшие сыры и любые напитки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.